

На правах рукописи

Юндэн Энхтүвшин

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ
В МОНГОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.22 - языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2004

Диссертация выполнена на кафедре иностранных языков и юридического перевода Юридического института Монгольского государственного университета.

Научные руководители: доктор филологических наук
профессор **Л. В. Шулунова**

доктор педагогических наук,
профессор **Д. Чимэг**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Л. Д. Шагдаров**

кандидат филологических наук,
Д. Ц. Жапова

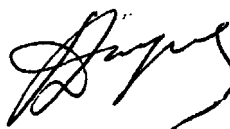
Ведущая организация - Бурятский государственный университет

Защита диссертации состоится «28» декабря 2004г. в 13 час. на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (г.Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан «30» ноября 2004г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Г. А. Дырхеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

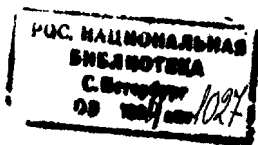
Актуальность темы исследования. Развитие научно-технического языка обычно диктуется острой общественной потребностью. В частности, в России ещё в начале тридцатых, а в Монголии в середине шестидесятых годов прошлого века началось вторжение в язык науки и техники, а тем самым и в общий язык большого количества новых терминов, новых понятий. Столь активный процесс пополнения лексики был обусловлен бурным научно-техническим прогрессом, связанным со строительством планового хозяйства нового уклада, индустриализацией страны. В этих обстоятельствах становится актуальной задача разработки теоретических основ построения новой научно-технической терминологии.

В юриспруденции специальных терминов сравнительно немного, но язык законодательства отличается характерными для специальных языков особыми способами выражения законодательной мысли. В отличие от повседневного языка, стихийно возникшего в человеческом общении, язык закона создается в той или иной национальной правовой системе специально, путем целенаправленного отбора и обработки естественного языкового материала таким образом, чтобы наиболее точно и вместе с тем понятно изложить устанавливаемые юридические правила, обеспечить эффективность их властного воздействия на волю и сознание людей.

Право, как известно, регулирует обширные области общественных отношений, выполняя в социальной жизни государства специальные функции: предоставляет субъектам права юридические права, налагает на них обязанности, устанавливает за их нарушение меры юридической ответственности. Иными словами, право представляет собой средство активного регулирования поведения людей, властного воздействия на их сознание и волю, и эти качества непосредственно отражаются на языковом воплощении норм права. Вместе с тем, несмотря на всю значимость юридической терминологии как средства выражения нормативного содержания права, данная тема пока должным образом не исследована. Проблемы юридической терминологии иногда затрагиваются в общих трудах по законодательной технике, а также в работах, посвященных языку права, законодательной технологии, правовым понятиям и их определениям. Между тем существует настоятельная потребность приведения терминологического аппарата юриспруденции в соответствие с требованиями времени. Сделать это без проведения соответствующих специальных научных исследований, разумеется, невозможно.

Изложенное свидетельствует об актуальности темы диссертационного исследования и обосновывает ее выбор.

Объект исследования - язык законодательного текста в юриспруденции Монголии и России.

Предмет исследования - юридическая терминология монгольского и русского языков.

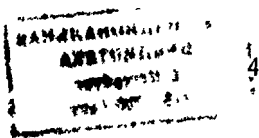
Цель и задачи исследования. Целью данной работы является определение специфики терминотворчества в области юриспруденции в рамках лингвистического комплекса - язык закона, достижение которой, думается, позволит, в известной степени, обеспечить рекомендации при подготовке законодательных актов. В соответствии с поставленной целью обозначены исследовательские задачи:

- рассмотреть значение термина в структуре текста нормативно-правового акта и выявить специфику языка законодательства;
- определить лексико-семантические свойства юридических терминов,
- выделить принципы классификации и способы образования юридических терминов,
- установить особенности использования юридических терминов.

Материал исследования. В качестве исследовательского материала в работе использованы издания по юриспруденции на монгольском и русском языках Гражданский кодекс Российской Федерации, учебник процессуального права, юридический энциклопедический словарь; "Правовая система Монголии" С. Нарангэрэла, Закон Монголии о земле, материалы специальных периодических изданий: «Народное государство», «Право», «Монгольское государство и право», «Верховенство права» и др..

Методологическая основа диссертации. Теоретическую основу исследования составили положения, изложенные в трудах российских и монгольских лингвистов по проблемам современного языкознания в области терминоведения. В качестве методологической основы в работе признаны : принципы диалектического понимания единства и противоречия языка и мышления; положение диалектики о том, что в основе теории познания лежит теория отражения, понимание языка как сложного системно-структурного образования со своей упорядоченной системой оппозиций, обнаруживаемых как между единицами плана содержания, так и плана выражения.

Методы исследования. Для решения исследовательских задач в работе использованы: метод лингвистического описания, основанный на наблюдениях за функционированием языковых единиц; метод сравнительно-сопоставительного анализа разносистемных языков; метод сплошной выборки юридических терминов; метод статистического анализа; метод внутрисистемного функционального и структурно-семантического описания, позволяющий рассматривать анализируемое явление как системное образование, включающее определенное число взаимосвязанных компонентов.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые в монголоведении предпринято системное освещение специфического слоя лексики - юридической терминологии - в сопоставлении с таковым в русском языке. В работе дано описание лексико-семантических свойств юридических терминов на примере синонимии и омонимии, выявлены особенности функционирования юридической терминологии.

Практическая и теоретическая значимость работы. Исследование особенностей функционирования юридических терминов в структуре текстов нормативно-правового акта, определение принципов их классификации и способов образования позволили выявить' как основы терминотворчества в области юриспруденции, так и особенности языка законодательства в целом. Результаты исследования представляют определенный интерес для разработки общетеоретических вопросов терминоведения, выводы и обобщения могут быть использованы для сравнения и анализа как аналогичных пластов лексики других языков, так и иных разрядов специальной лексики монгольского и русского языков.

Необходимо подчеркнуть практическую ценность исследования в дидактическом аспекте: результаты диссертационной работы важны для практики обучения языку специальности на отделениях по юриспруденции в вузах Монголии и России, для подготовки соответствующих учебных пособий и учебников. Полезность настоящего исследования очевидна и для лексикографии при составлении специальных словарей юридических терминов. Особая ценность диссертационной работы заключается в ее полезности для юридической практики в сфере законотворчества (нормативное употребление юридических терминов, подготовка текстов документов по нормативно-правовым актам).

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования апробированы на научно-практических конференциях разного уровня (Улаанбаатар, 2002-2004гг.). По теме диссертации опубликовано 8 работ, в том числе толковый словарь по интеллектуальной собственности и два учебных пособия для студентов юридического факультета и юристов- практиков. Общий объем публикаций составляет более 13 п.л..

Объём и структура исследования. Настоящая диссертационная работа состоит из введения, двух глав, в каждой из которых содержится по 4 подглавы, заключения. Список использованной литературы содержит сведения об источниках на русском и монгольском языках, в приложении дан словарь основных юридических терминов монгольского языка, включающий около 1000 лексических единиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи, определяются объект и предмет научного анализа, методологическая основа и методы исследования, отмечается научная новизна и практическая значимость диссертационной работы, даются сведения об апробации ее основных положений.

Кроме того, здесь же представлен краткий обзор истории терминоведения в Монголии и России, в котором изложены этапы его развития и основные достижения.

В первой главе «Терминоведение в юриспруденции» рассматривается понятие термина, его дефиниции, анализируются особенности языка законодательства, выявляется специфика юридического текста и роль термина в структуре текстов нормативно-правового акта.

В отличие от повседневного языка, стихийно возникшего в человеческом общении, язык закона создается в той или иной национальной правовой системе специально, путем целенаправленного отбора и обработки естественного языкового материала таким образом, чтобы наиболее точно и вместе с тем понятно изложить устанавливаемые юридические правила, обеспечить эффективность их властного воздействия на волю и сознание людей. Слова, предназначенные для текстуального закрепления правовой нормы, получают дальнейшее структурно-смысловое развитие под влиянием объективных свойств и требований права.

1.1. Понятие термина и его определение. Для раскрытия понятия термина, как языкового феномена, необходимо раскрыть понятия лингвистики, используемые для обозначения как структурных единиц языка, так и языковых конструкций. Основной структурной единицей языка, раскрытие которой необходимо для определения понятия термина и терминологии, является слово.

В структурном отношении термин может состоять из двух и более слов (словосочетаний), которые составляют неразрывное, достаточно мотивированное смысловое единство и, обозначая определенное понятие, не употребляются друг без друга (в монг. яз.: *алахаар завдах* «покушение на убийство», *аргагуй хамгаалалтын хэр хэмжээг хэтрүүнөх* «превышение пределов необходимой обороны», *буртгэгдэсэн гэмт явдал* «зарегистрированное преступление», *бурэн бус хариуцагатай компани* «компания с ограниченной ответственностью», *гаалийн модуулэг* «таможенная декларация», *говт халдчага* «преступное посягательство», *еронхий консул* «генеральный консул», *ервнхий прокурор* «генеральный прокурор» и др.; в русск. яз.: *административная ответственность, административный суд, значительный ущерб, повреждение здоровья, постоянный комитет, президентское вето, юридическое лицо* и т.д.).

Основные признаки термина - четкая сфера его применения и точное соотношение слова и, отображаемого им объекта действительности. Термин всегда однозначен, его значение не должно зависеть от контекста. Без смысловой однозначности термин не может выполнять функцию, обозначения специального понятия. Каждый термин - это слово (или, их совокупность), но не каждое слово - термин. Однако полагаем, что то или иное слово может выступать в зависимости от контекста и как термин, и как нетермин (в монг. яз.: *зарлиг* «указ», *зуучлал* «посредничество», маргаш «спор», *потлох баримт* «доказательство», *сурдуулэг* «угроза, шантаж», *сожиг* «подозрение» и т.п.; в русск. яз.: *агрессия, долг, мотив, обязательство, пособник, преступление*, и др.). Чем больше в законодательном тексте терминов, тем более он точен, чётко, лаконичен.

Определяя меру возможного или должного поведения, право как система общих правил использует в основном абстрактные понятия. Поэтому юридические термины имеют более общий характер, нежели термины иной литературной категории. В то же время степень общности юридических терминов не безгранична. Ведь закон оперирует конкретными жизненными понятиями, с которыми люди повседневно сталкиваются в практической деятельности. Вне сомнений, в любом случае юридические понятия рождаются вместе и параллельно с соответствующими терминами в результате конкретного акта правотворчества (например, в монг. яз.: *хамтарсан уйдал* «совместной действие», *хамтран хариуцагч* «соответчик», *хилийн зохицуулагч* «пограничное урегулирование», *хорих газраас оргох* «бегство из места заключения», *хорлон сутгэх ажиллагаа* «подрывная деятельность»; в русск. яз.: *преступление, подсудность, вменяемость, кассация* и т.д.).

1.2. Язык законодательства. Право выполняет в социальной жизни специальную функцию: предоставляет субъектам права юридические права, налагает на них обязанности, устанавливает за их нарушение меры правовой ответственности, т.е. представляет собой средство активного регулирования поведения людей, властного воздействия на их сознание и волю, и эти его качества непосредственно отражаются на языковом воплощении норм права.

Язык законодательства распространяется на разнообразные сферы человеческой деятельности. Это существенно отличает его от специальных языков, т.е. от тех слов литературного языка, которые, во-первых, обслуживают узко специальную сферу деятельности (медицину, архитектуру, химию и др.) и, во-вторых, имеют свой особый словарный фонд, специальную терминологию, мало доступную неспециалистам. Что касается языка законодательства, то степень его специализации сравнительно не велика. Право регулирует обширные области общественных отношений,

причем весьма разнообразные по своему содержанию. Язык законодательства нельзя назвать специальным и потому, что с нормативными актами сталкивается не узкий круг специалистов, а все граждане в своей жизни и в практической деятельности.

Язык законодательного акта отличается краткостью, так как основная его функция передача предписания, приказа. Следовательно, необходимы максимально экономические языковые средства, что создает благоприятные условия для понимания и применения закона. Стиль языка законодательства также хорошо совместим с языком повседневной речи, как поэтический стиль. Однако имеется ещё один аспект этого отношения. Это директивный характер языка законодательства, что отражается на его словесных оборотах, составляя особую семантическую категорию. Кроме того, правовая терминология регулируется обобщенными и приспособленными к языку законодательства дефинициями. В связи с этим язык законодательства может быть помещен между искусственными языками и естественным языком как язык в какой-то мере формализованный.

Таким образом, чтобы воля законодателя была доступной и её смысл не расходился с текстовым оформлением, необходимы четкое изложение и ясная лингвистическая формулировка норм закона. Поэтому одним из условий успешной правотворческой деятельности является соблюдение системы определённых требований, предъявляемых к правовым актам. Именно знание и грамотное использование приёмов юридической техники позволяет создавать качественно оформленные и удобные для восприятия юридические документы. Умение использовать специфический язык закона считается важнейшим навыком законодателя.

В настоящее время как в Монголии, так и в России разработаны положения о лингвистической экспертизе законодательных актов, которые определяют задачи и порядок её проведения и основные моменты, касающиеся использования лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств.

1.3. Специфика юридического текста и значение термина в текстах нормативно-правового акта. Любой текст имеет языковую, логическую грамматическую и графическую основы. Юридический текст, имеющий функционально-стилевую принадлежность, также есть соединение этих основ. И одной из важнейших задач юриспруденции является выработка правил совершенствования языка стиля и логики права.

В изложении юридической информации нужно соблюдать последовательность, смысловую завершенность, так как отсутствие логики, разрывы последовательности содержания, перескакивание с одного предмета рассмотрения к другому и т.п. затрудняют её интерпретацию, нарушают взаимосвязь и внутреннее единство правового материала. Приступая к тек-

стуальному оформлению правовых норм, законодатель использует обычные средства выражения мысли – слова, грамматические формы и конструкции литературного языка.

Ясность языка юридических текстов достигается за счёт использования языковых средств (лексических, грамматических, синтаксических), широко употребляемым и легко воспринимаемым большей частью субъектов применения права, однако подобная доступность не должна идти в ущерб содержанию. Точность (т.е. соответствие смыслового содержания текста той или информации, которая кладётся в его основу) предполагает употребление слов; словосочетаний в их прямом значении не допускающем двусмысленности, произвольного толкования, искажающего смысл нормативно-правового документа и могущего повлиять на процесс реализации правовых норм.

Проблема восприятия текста нормативно-правового акта представляет, на наш взгляд, большой интерес и в дидактическом плане, в частности в практике обучения будущих юристов (монголов) при изучении иноязычных (русских) текстов по юриспруденции. Общеизвестно, что для большинства монгольских студентов русский язык выступает как средство освоения будущей специальности, поскольку юридическая практика Монголии в своей законодательной части строится в основном на юридической практике России. Данное обстоятельство усиливает потребность повышения навыков и умений работы с учебными текстами по специальности на русском языке.

Результаты выполненного автором сопоставительного анализа учебных текстов по юриспруденции на русском и монгольском языках имеют значение для вузовской практики обучения языкам, в частности позволяют наглядно показать закономерности двух языков (русского и монгольского) и дают возможность предварительного устранения негативных факторов и трудностей, которые могут встретиться в ходе знакомства с текстами по специальности.

Однако, как отмечают учёные, до сих пор отсутствует достаточно гармоничная и целостная система обучения чтению на иностранном языке. И поэтому задача создания целенаправленного системного метода обучения чтению на иностранном языке может быть решена только общими усилиями научных коллективов, филологов, методистов и практиков. Настоящая работа является попыткой внести посильный вклад в становление такого метода.

1.4. Синонимия и омонимия юридических терминов. Среди проблем юридической терминологии немалое место принадлежит синонимии и омонимии. Синонимы предполагают одно и то же либо близкие понятия, которые обозначаются разными терминами, омонимы, наоборот, имеют в

виду разные понятия, словесно описываемые одинаково. В языке законодательства (как, впрочем, и в других языках специального назначения) проблемы синонимии и омонимии тесно переплетаются друг с другом и заслуживают специального рассмотрения.

Для составителя проектов нормативных актов понимание и правильное решение вопросов синонимии и омонимии среди других проблем юридической терминологии выдвигаются на одно из первых мест, ибо для любого автора или коллектива авторов, в принципе, естественно желание разнообразить приемы изложения своих мыслей, передачи их адресатам. Однако нормативные акты, рассчитанные на неоднократное и единообразное применение, должны излагаться языком и стилем, соответствующими свойствам и целям права как властного регулятора общественных отношений. Неточное и нечеткое формулирование юридических предписаний, использование ассоциаций, синонимии, омонимии серьезным образом могут отразиться на достижение стоящих перед правом задач.

При формулировании законодательных норм проблемы омонимии могут приобретать неожиданный характер, имеющий значение для правоприменения. Как показало исследование, в юридической терминологии непоследовательно различается многозначность, что наблюдается особенно ярко в тех случаях, когда для рядового носителя языка, казалось бы, многозначность очевидна. Примеры нечеткого различения многозначности можно условно разделить на две группы: примеры "сознательного введения в заблуждение читателя" и примеры "бескорыстной небрежности". К первой группе примеров можно отнести те, которые так или иначе связаны с семантическим полями "государство" и "власть". Например, в статьях Энциклопедического юридического словаря, толкующего названия различных должностей (мэр, глава правительства, президент и т.п.), особое внимание уделяется не должности, а лицу, которое занимая соответствующую должность (пост) характеризуется определенным набором функций и порядком занятия соответствующей должности (поста), здесь наблюдается регулярная двузначность "должность" и "лицо, занимающее эту должность".

Ко второй группе относятся примеры, связанные с неразличением таких понятий, как документ - "правовое отношение", документ - "материальный объект". В названиях документов, например, встретились такие слова и словосочетания, у которых значение "документ" выступает наряду с иными. Это слово *договор* и словосочетание *акт дипломатический*, трактуемые и как документы, имеющие письменную форму, и как соответственные действия. Однако у множества слов и словосочетаний, являющихся юридическими терминами, многозначность, присутствующая в их общеупотребительном значении, отсутствует; что отчетливо видно у

таких представленных в анализируемом материале слов как, *кодекс, конституция, инструкция, положение, правило, закон, устав*, в которых ни юридические, ни толковые словари не выделяют значения "документ", что для рядового носителя языка абсолютно.

Так же не отражается ни толковыми словарями, ни юридическими источниками аналогичная двусмысленность слова *кодекс*, трактуемого в праве однозначно как "систематизированный законодательный акт (без определения "писанный" в отличие от конституции), в котором содержатся нормы какой-либо отрасли права". Эти же соображения относятся и к терминам, обозначающим одновременно процесс и результат процесса, например, *ликвидация, реорганизация* и т.п. Такое неразличение многозначности, безусловно, затрудняет правильную интерпретацию юридического текста носителем языка.

Вторая глава работы "Юридическая терминология" посвящена анализу юридической терминологии в аспекте ее формирования и функционирования. Теоретический анализ системы юридических терминов предпринимается с позиций общей теории права и соответствия юридической терминологии требованиям современного терминоведения. В данной главе работы ставится задача - дать теоретический анализ системы юридических терминов а монгольском и русском языках, предпринимается попытка с позиций общей теории права показать, какой должна быть современная юридическая терминология Монголии и России.

2.1. История становления юридической терминологии. Юридическая терминология есть не что иное, как основной, наиболее информативный пласт лексики языка законодательства, способствующий точному и ясному формулированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста. Занимая в принципе незначительным объём нормативного текста, юридическая терминология представляет собой его базу, основной смысловой фундамент. Основной фонд юридической терминологии содержится в наиболее важных законодательных актах. Именно, они определяют терминологические эталоны, на них ориентируются правотворческие органы, издавая подзаконные акты.

2.1.1. Становление юридической терминологии в Монголии. Становление юридической терминологии в монгольском языке следует рассматривать с момента рождения монгольского права. К первым собственно монгольским правовым кодексам следует отнести законотворческие акты XVI - XVIII вв., в числе которых: Уложение, относящееся ко второй половине XVI в.. Великое уложение 1620 г., открытые и опубликованные монгольским ученым К.Пэрлээ в 1974 г., монголо-ойратское «Великое уложение - Их цааз» 1640 г., свод законов, принятых на съездах монгольских

князей в 1709 -1779 гг - «Халха Джирум», Уложение Китайской палаты внешних сношений 1789 г..

Ценность ранних монгольских юридических памятников XII-XVIII вв заключается в том, что они содержат первичный материал для реконструкции правового сознания и политических институтов, изменений культурных традиций и обычаев народа. Вне сомнений, памятники монгольского права являются неотъемлемой частью национального культурного наследия, значение которого актуально в современной политической и культурной жизни монгольского общества. В аспекте выявления исторических закономерностей становления и развития правовых норм и законодательства в политической организации монгольских народов Центральной Азии анализ данных памятников предпринят в трудах российских и монгольских ученых (Б Я Владимирцов, Ш. Вира, Т.Д Скрынникова, В В. Трепавлов, Жугдэр Ч., Ишжамца Н., Гонгор Д., Далай Ч. и др.). Большой интерес вызывает характеристика степени разработанности монгольских законодательных сборников XIII-XVIII вв. Ц.П. Ванчиковой, представленная на основе изучения следующих источников: «Яса» Чингис-хана, Уложение Юаньской династии 1320 г., Старый «Цааджин бичиг», Монголо-ойратский закон 1640г., «Восемнадцать степных законов», «Цааджин бичиг», «Халха-Джирум», «Чаган тэукэ» (Белая история) (см. Монгольские правовые памятники и история их изучения» // Мункуевские чтения-2, Улан-Удэ, 2004, сс. 23-36)

Особое место в истории законодательства Монголии занимает «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг»). «Цааджин бичиг», как правовой памятник XVII в. представляет собой первый официальный свод законов в культурной истории монголов. «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг») датируется временем экспансии маньчжуров в Центральную Азию. Первый кодекс маньчжурских законов для монголов, принятых Цинской династией в Китае в период 1627-1694 гг., - «Цааджин бичиг», содержащий нормы юсударственного, гражданского, уголовного и обычного права, определял регулирование правопорядка в Халха-Монголии в течение всего XVIII в.. Первая публикация его перевода на русский язык и монгольского текста (латинская транслитерация и факсимиле рукописи) предпринята С.Д Дылыковым в 1998 г. (М., Издательская фирма «Восточная литература»),

Составление данного свода законов было вызвано включением Халхи в состав Цинской империи в 1691г. и соответственно необходимостью распространения маньчжурского законодательства, первоначально предназначенного для хошунов Внутренней Монголии, на всю территорию и Внешней Монголии «Цааджин бичиг» зложил началр кодификации монгольских законов и в последующие годы, что нашло отражение в появле-

нии новых «Монгольских уложений» в XVIII и XIX вв - правопреемников этого кодекса

Выработкой новых и унификацией старых законов для монголов, вошедших в «Цааджин бичиг», в течение нескольких лет после 1691 г занималась специальная комиссия Палаты внешних сношений (Лифаньюань)-правительственного учреждения, созданную еще в 1638 г на базе так называемого «Монгол ямына» и ведавшего всеми делами по административ-¹ному управлению Монголией. Подготовленное этой комиссией «Монгольское уложение» было высочайше утверждено и по распоряжению Канси издано в 1696 г литографическим способом на трех языках маньчжурском, монгольском и китайском «Монгольское уложение» («Цаадын бичи») 1696 является, по существу, самостоятельным сводом законов, выработанных для монголов содержит 152 статьи, из которых 112 перекликаются и в какой-то мере могут быть сравнимы, указывает С Д Дылыков, с («Уложением Палаты внешних сношений» 1789 г, однако отличаются 0 соответствующих статей последнего по содержанию (1998, с 9) В целом он отражает особенности законотворчества и законодательной политики маньчжурских правителей в отношении Монголии, в том числе их последовательное стремление в какой-то мере использовать действовавшие в монгольских княжествах законы, во многом основанные на традиционных нормах обычного права монголов (там же, с 10)

Действие монгольских уложений относят к феноменальному историческому факту, поскольку вплоть до 1919 г - года потери Монголией независимости, обретенной в результате всенародного восстания монголов и падения Цинской империи в 1912 г, - важнейшие судебные дела в стране решались в основном по законам «Халха Джирум», «Их цааз» и феодально-теократической монархии, а в Шабинском ведомстве Ургинского Богдо гэгэна это имело место до 1925 г (Дылыков, 1998, с 122)

Коренные изменения во всех сферах общественной жизни Монголии, произошедшие в результате победы революции 1921 г, оказали большое влияние и на развитие юридической терминологии. Формирование юридической терминологии первой половины XX в характеризуется активным переложением иноязычных терминов, по преимуществу из русского языка. Примечательно, что начало XX в отмечено первыми исследованиями в области юридической терминологии монгольского языка

Вместе с тем, несмотря на то, что в Монголии с 1954 г издавались «Сообщения государственной комиссии по терминологии» (за период с 1954 по 1988 г состоялся выпуск 146 номеров) первые систематические исследования в области юридической терминологии появляются лишь в 70-ые п XX в. Как правило, эти исследования носили лексикографический характер. Уместно в этой связи упомянуть имя академика Л. Ренчина,

который будучи главным инспектором таможи в г. Кяхте, написал в 1913 г. «Монгольско-русский словарь юридической терминологии». Также необходимо упомянуть доктора Дашдаваа - автора «Русско-монгольского юридического словаря», изданного в 1968 г. Спустя 10 лет, в 1978 г., коллективом авторов - Б. Чимид, Р. Гунсэн, Д. Дашдондог, Д. Дариймаа, Д. Пурэв, Чой. Лувсанжав был издан словарь юридической терминологии, в который вошли 10000 слов («Сообщение государственной комиссии по терминологии», №197,108, 18,5 п.л.).

Серия публикаций по юридической терминологии осуществлена доктором Б. Чимид в журнале «Народное государство», начиная с 1977 по 1984 гг., всего в 31 номерах. Заметим, что до этого материалы по юридической тематике публиковались фрагментарно, к примеру за период с 1954 по 1977 гг. публикации о законодательстве встречаются в 21 выпусках, в частности, в 1955 г. в № 28 был опубликован материал о Гражданском процессе. Заслуживает внимания предпринятая с 1998 г. инициатива организации специального издания «Изучение терминологии», в котором представлены статьи о методических исследованиях терминологии монгольского языка. До 2004 г. вышло всего 6 изданий.

Последнее десятилетие отмечено выходом множества трудов, в которых содержится объяснение значений юридических терминов по разным отраслям права. В частности, толкование юридических терминов и определений содержится в таких изданиях, как «Англо-русско-монгольский словарь по праву» (С. Нарангэрэл, 1994 г.), «Толковый словарь по праву» (Г. Совд, 2003 г.), «Толковый словарь по административному праву» (Д. Ганзориг, 2003 г.), «Толковый словарь государственного права» (Д. Солонго, 2003 г.), «Термины и определения законов» (Ж. Амарсанаа, Б. Бат-Эрдэно, 2004 г.) и т.д. Особо следует выделить издание в 2003 г. объемного труда Б. Баярсайхана - Юридический толковый словарь (История государства и права Монголии), состоящего из более 300 страниц. При этом уделяется внимание и иноязычным юридическим терминам, например, Х. Виктор перевел с английского на монгольский язык «Справочник международных терминов по правам человека» Кондэ (2002 г.).

Около 500 юридических терминов и определений даны в двухтомном издании Энциклопедии Монголии. Вопросы юридической терминологии затрагиваются в книгах Л. Баасана «Трудовое право» (2000 г.), С. Нарангэрэла. Н. Лундэндоржа «Введение к изучению права» (2002 г.), Т. Сэнгэдоржа «Профессия юриста» (2003 г.). Также в приложениях книг Д. Баярсайхана «Теория права» (2000 г.), Н. Гантулга «Общая теория государства и права» (2003 г.), Г. Баясгалана, В. Удвал «Основные вопросы теории государства и права» (2004 г.) даются юридические термины.

Примечательно, что большое внимание уделяется в этот период и вопросам усовершенствования юридической терминологии. Проблематике становления и функционирования юридической терминологии посвящены статьи в специальных журналах «Верховенство закона», «Право» «Государство и право Монголии». Например, в журнале «Верховенство закона» опубликованы статьи: Д. Гэрэл «Права соседа» (№ 1, 2004 г.), Ц. Оюунчимэг «Представительство в отношениях гражданского права» (№1, 2004 г.), С. Гэрэлмаа «Некоторые вопросы о правильном использовании юридических терминов» (№2, 2004 г.), Б. Гунбилэг «Понятие о прецедентном праве, действующие правила и сила закона» (№ 3, 2004 г.), Д. Баянбилиг «Некоторые вопросы о юридической терминологии» (№ 3, 2004 г.); в журнале «Государство и право Монголии»: С. Тумур «Толкование некоторых терминов Конституции Монголии» (№ 4, 1995 г.), Т. Сэнгэдорж «Как понимать право» (№ 1, 2001 г.); в журнале «Право»: Д. Янжинхорлоо «Коротко о договоре франчайзинга» (журнал «Право», №8-9, 2004 г.), Т. Сэнгэдорж «Понятие о науке закона, его принципы и методика» (№1, 2000 г.).

Безусловно, столь серьезное отношение к разработке проблем юридической терминологии объясняется, прежде всего, вниманием государства, которое предпринимает меры для решения этих вопросов. Свидетельством тому правительственные постановления (статья 3.2.9 «О порядке проведения правительственных заседаний», утвержденного постановлением Правительства № 178 от 2000 г.). В 2001 г. Парламент Монголии - Великий Государственный Хурал (ВГХ) принял закон «О порядке разработки, оповещения проектов закона, постановлений ВГХ». В статье 10 этого закона указано, что одна из функций Министерства юстиции - выпуск рекомендаций и инструкций по вопросам методики разработки законопроекта, принятие мер по единому выравниванию юридической терминологии. В статье 13 данного закона под заголовком «Терминологические и грамматические требования для законопроекта» подчеркивается особо, что главным требованием законопроекта является использование терминологии, применяемой в Конституции и других законах, избежание использования одной и той же терминологии в выражениях с разными значениями, а также избежание терминологии на иностранных языках, если имеются соответствующие слова в монгольском языке.

Постановлением Правительства №121 от 2002 г. был создан Национальный юридический центр, в основных направлениях деятельности которого значится задача «...комплектования информационного фонда правовых терминов...». В 2003 г. ВГХ принял закон «О государственном официальном языке». В статье 6 названного закона указывается, что создан Государственный совет языка, главная функция которого - исследование соответствия терминологии общественным и научным потребностям и

требованиям, ее применение, а в случае надобности, изменение терминологии и оповещение об этом общественности через средства массовой информации, консультирование и вынесение заключения

В 2000 \ Министерство юстиции организовало научно-практический семинар на тему «Унификация юридической терминологии» с участием Академии наук Монголии, Парламента, Академии Управления, Национального юридического центра, а также других организаций 2 1 2. Станбление юридической терминологии в России.

Становление юридической терминологии в России началось вместе с появлением первых источников права, В «Русской правде» использовалось достаточно большое количество специальных юридических терминов, например, «татьба», «тать», «разграбеж».Заметим, что при этом некоторые общеупотребительные термины использовались в узко-юридическом значении, в частности, термин «обида» в значении 'причинение ущерба кому-либо' Кроме того, в названном юридическом источнике наблюдалось использование терминов с отсутствием ожидаемых терминологических логических связей, к примеру, при наличии термина «истец», отсутствовали термины «иск» и «ответчик»

К числу первых источников юридической терминологии на Руси следует отнести уставные грамоты и договоры Позднее появились и другие деловые документы - памяти, записи, в которых оформлялись различные юридические сделки, а также крепости, кабалы и т д Существенное влияние на развитие юридической терминологии на Руси оказал церковнославянский язык, который после крещения Руси , как известно, усиленно насаждался в деловой жизни (к примеру, термин «постриг» и т п) Особой активностью процесс формирования юридической терминологии характеризуется в середине XV в с возникновением приказов, Судебников 1497, 1550 (вводятся термины «иск», «царь») и 1589 гг, Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г Этот период в развитии русской юридической терминологии отмечен увеличением количества используемых терминов, а также установлением новых значений для старых терминов

Следующий этап развития юридической терминологии определяется периодом правления Петра I Политика российского государя Петра I оказала положительное влияние на язык права, поскольку способствовала изытанию из делового языка церковнославянских элементов, упрощению стиля изложения официальных документов Так, из официального языка были удалены некоторые обороты («бить челом», «учинять», «поелику» и др) По мнению исследователей, юридическая терминология после правления Петра I вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции (1917г) существенных изменений не претерпела Серьезной причиной такого консерватизма языка российского права послужил, вероятно, тот

факт, что в XIX в основательных кодификационных работ в России практически не предпринималось, а основное внимание законодателей было обращено на составление Свода законов Российской империи, то есть соединению и расположению в определенном систематическом порядке с незначительными исправлениями всего старого действующего законодательства

Революция 1917 г стала отправной точкой формирования нового законодательного стиля. С этого времени юридическая терминология существенно обновилась из делового языка были изъяты многие канцеляризмы все термины самодержавного характера, введены термины, отражавшие природу нового государства. Правда, в дальнейшем некоторые термины были восстановлены (например, «генерал» «министр» и т.д.)

Однако становление административно-командной системы нового государства сопровождалось недостаточным вниманием к юридической терминологии в законодательном тексте (как и к юридической технике вообще). Мало внимания обращалось на составляющие компоненты законов (в частности, терминологический), что существенно снижало юрисконструкторское качество правовых актов. В тексте законодательных актов появляется большое количество бюрократических штампов, слов-паразитов а также просто статистически небезупречных терминов (например, в нормативных актах появились такие штампы, как «поставить на вид» «проработать вопрос» и т.п.) Все это не могло не сказаться на общем качестве законов того времени.

Очередной этап в развитии юридической терминологии в России связан с распадом СССР в 1991 г. На данном этапе были восстановлены некоторые юридические термины самодержавного периода (например, термины «судебный пристав», «Государственная Дума» и др.) В настоящее время происходит процесс обновления юридической терминологии, который позволяет избавиться от недостатков терминологии советского периода, сохранившихся до сих пор. Вместе с тем необходимо помнить, что процесс обновления юридической терминологии должен учитывать положительные черты юридической терминологии советского периода. Конечно же, при этом разработка новой российской юридической терминологии в различных отраслях права должна основываться на учете опыта и ошибок не только терминологии советского периода, но и юридической терминологии царской России.

2.2. Принципы классификации юридической терминологии. Термины, используемые в законодательстве, можно классифицировать по различным основаниям. Юридическая терминология в соответствии с требованиями системности предполагает наличие определенных связей между разными терминами, их увязанности друг с другом, иерархичности и т.п.

Например, в общеправовой или межотраслевой терминологии возможно выделить термины родового и видового значения (в монг. яз.: «гэрээслэл» - завещание и «аман гэрээслэл» - устное завещание, «шийдвэр» - решение и «арбитрын шийдвэр» - арбитражное решение, «эрх» - право и «орогнох эрх» - право убежища и др.; в русск. яз. "правонарушение" и "административное правонарушение", "трудовой стаж" и "непрерывный трудовой стаж" и т.д.). В настоящей работе предлагается рассматривать терминологию, используемую в законодательстве, по вертикальному и горизонтальному принципам.

Согласно вертикальному принципу классификации юридической терминологии на вершине вертикальной терминологии располагаются термины, закреплённые в Конституции, Основах законодательства. В сущности, это есть общеправовая терминология, которая системно объединяет термины, так или иначе функционирующие во всех отраслях законодательства, выражая и обозначая понятия широкого обобщенного значения (в монг. яз.: «гэрээслэл» - завещание, «дээд шуух» - верховный суд, «завар» - инструкция, «засгийн газрын бүтэц» - структура правительства, «итгэмжлэл» - доверенность, «оюуны емч» - интеллектуальная собственность, «парламентын хууль» - парламентский закон, «терийн удирдлага» - государственное управление, «хууль есны эрх» - законные права, «шуун таслах ажиллагаа» - судопроизводство и др.; в русск. яз.: социалистическое государство, государственный орган, должностное лицо, общественная организация, компетенция, правомочия, законодательство, закон, решение, неприкосновенность личности, законные интересы и т.д.).

Горизонтальный же принцип классификации юридической терминологии позволяет выделить различные виды межотраслевой и отраслевой терминологии. К сфере межотраслевой терминологии следует отнести термины, используемые в нескольких отраслях законодательства (в монг. яз.: «гэмт хэргийн сэдэлт» - мотив преступления, «гянданд хорих» - заключение в тюрьме, «давж заалдах» - кассация, «дагаж мордож буй хууль» - действующее право, «няцаалт» - опровержение и т.д.; в русск. яз.: материальная ответственность, значительный ущерб, проступок и др.).

Отличительной чертой отраслевой терминологии является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений. Следовательно, отраслевая терминология обслуживает особую отрасль законодательства, т.е. образует отраслевое терминологическое поле, которое не совпадает ни с общеправовым, ни с межотраслевым терминологическими полями - более широкими в содержательном и функциональном отношении (в монг. яз.: «хохирлын шинж чанар» - характер

ущерба, «хулгай» - кража, «яллах» - обвинение и др.; в русск. яз.: сделка, давность совершения преступления, развод и т.п).

Взаимозависимость терминов заключается также в том, что из одного, представляющего собой гнездовое слово, образуются устойчивые словосочетания, отражающие близкие понятия. Например, в монгольском языке: «иртэний нэхэмжлэл» - иск, «иргэний хэртйн нэхэмжлэгч» - гражданский истец, «нэхэмжлэлийн хэмжээ» - исковая сумма. В русском языке наблюдается аналогичное явление: посредством термину "право" образуются такие термины-словосочетания, как "правоотношение", "правонарушение", "правомочие" и др. От термина "иск" происходят связанные с ним термины "истец", "исковое производство", "исковая давность", "исковое заявление" и др..

В юридических текстах различаются чермины: 1) общеупотребимые; 2) общеупотребимые, но имеющие в нормативном акте более узкое, специальное значение; 3) сугубо юридические. В законодательных текстах используются термины, образованные из нескольких самостоятельных слов (в монг. яз.: «худал мэдуулэг огох» - лжепоказание, «шуун таслах ажиллагаа» - судопроизводство и т.д.; в русск. яз.: судоустройство, отказополучатель и т.д.). Необходимо также отметить, что законодательная лексика, по сравнению с бытовой лексикой, содержит больше терминов, значение которых в определенной степени имеет условный характер и требует дополнительных объяснений (например, в монг. яз.: «бэлэглэлийн гэрээ» - договор дарения, «валютын хязгаарлал» - валютное ограничение, в русск. яз.: "исковая давность", "юридическое лицо" "недвижимое имущество").

Анализируемый материал позволяет выделить три основные категории понятий юридической терминологии. Первая категория включает термины повседневной речи, сохраняющие в системе языка права значение, почти полностью совпадающее с их обыденным значением. Используемые в гражданском праве термины *брак*, *развод*, *наследство*, *контракт* являются обычными и понятными с точки зрения повседневной речи. Такие довольно пространные термины, как *институт*, *решение*, *нарушение* в русском языке и «*ошоо хонзон*» - ненависть, «*цуглаан*» - митинг, «*ял шийтгэл*» - наказание в монгольском, относятся как к обычному, так и к специальному юридическому языкам. Отметим в этом же ряду также такие слова, как *алиби* в уголовном праве, *душевнобольной* в гражданском праве, *аккредитовать* в торговом праве и международном праве, *заработная шита* в трудовом праве и т.д..

Вторая категория терминов языка права включает такие слова повседневной речи, которым юриспруденция придает иной особый смысл, нередко чисто технического, характера. Иногда встречаются неожиданные

случаи словоупотребления терминов. Так в уголовном праве слово "есгои" означает не гайку, произведенную ремесленником, а аутентичный акт, официально удостоверяющий помещение заключенного в тюрьму и выход из нее В финансовом праве слово "licence" означает не падение нравов и не диплом о высшем образовании, а обычное административное разрешение на ведение Той или иной экономической деятельности В гражданском праве термин "jouissance", являющийся предметом шуток для нескольких уже поколений студентов, означает, однако, не наслаждение, & более строгое понятие для юриста этот термин означает 'приносящее выгоду пользование какой-либо вещью'

Намного труднее воспринимать термины третьей категории В юридической терминологии нетрудно заметить, что некоторые термины, употребляемые в одной или нескольких областях права, имеют различный смысл Такие термины называются полисемичными, то есть многозначными

2.3. Словообразование в юриспруденции. В отличие от ряда других терминологических сфер доля семантических образований терминологии в сфере деятельности юриспруденции незначительна Для образования юридических терминов в монгольском и русском языках используются разные способы лексико-семантический, морфологический и синтаксический Среди терминов юриспруденции, образованных синтаксическим способом, наблюдаются составные наименования с разной степенью смысловой разложимости компонентов, а также с разной степенью отражения в них системности понятий

Значительная часть современных русских и монгольских терминов образована морфологическим способом Построение терминов морфологическим способом происходит в основном так же, как и в литературном языке Наряду со средствами общелитературного словообразования терминология располагает собственно терминологическим словообразовательным фондом, в частности рядом аффиксов, которые используются только в терминосферах

2.3.1. Способы образования юридических терминов в монгольском языке. Как в русском, так и в монгольском языке наиболее продуктивен суффиксальный способ терминообразования, с помощью которого образуются термины со значением предмета, процесса и признака

В юридической терминологии монгольского языка образование терминов осуществляется разнообразными способами, в том числе при помощи суффиксов Можно выделить следующие терминологические словообразовательные модели 1. Имя прилагательное с суффиксами -тай (-той) с разновидностью -г в составе терминов-словосочетаний явление распространённое и продуктивное *гутамшигтай гэмт хэрэг* - позорное преступ-

ление, *лавтац мэдээлэл* - достоверное сведение, *маргаантай асуудал* - спорный вопрос, *хугацаатай хэлиэл* - сделка на срок,; *чолоотэй хөрвөх валют* - свободно конвертируемая валюта. Качественные-прилагательные обладают не только предметно-отвлечённым значением, но и предметным значением (*нээлттэй хуралдаан* - открытое заседание, *эргэлзээтэй ер* - сомнительный долг); 2. Термины, образованные от Глагольных основ: а) Основа глагола + суффикс **-гч** (*гэрээслэгч* - завещатель; *зайлсхийгч* - лицо отклоняющееся от чего-либо; *залилан мэхлэгч* - мошенник; *татвар төвлэгч* - налогоплательщик; *татварын вайцаагч* - налоговый инспектор; *оигвлөгч* - адвокат; *итгэмжлэгч* - доверитель; *пэхэмжлэгч* - истец; *мердеи бацаагч* - следователь; *хэрэг бүртгэгч* - дознаватель; *хянагч* - контролёр; *туугч* - судья; *ялагч* - обвинитель); б) Термины с суффиксом **-бар**, -вар (*даалгаар* - задание; *салбар* - отрасль, сектор, от салах - отделяться, ответвляться; *тэнцвэр* - баланс, равновесие, от тэнцэх - становиться равным, уравниваться); в) Основа глагола + суффикс **-л** (*ажылгуйдол* / *ажылгуйдэх* - безработица; *горозспэл* - завешание; *хэлиэл* - сделка; *эрсдэл* - риск; *хучирхийлэл* - насилие; *танхайрал* / *танхаарах* - хулиганство); г) Основа глагола + суффикс **-лага, -лого** (*албадлага* - принуждение; *халдлага* • посягательство; *аллага* - террор; *хариуцага* - ответственность); д) Основа глагола + суффикс **-лт** (*батлалт* - утверждение; *байцаалт* - допрос; *заалт* - указание, от заах -указать, указывать; *ернелт* / *ернех* - нарастание; *хэмизт* / *хэмнэх* - экономия, экономить; *хөнгөлөлт* / *хөнгөлөх* - льготы (давать льготу); *уналт* / *унах* • спад, спадать; *няцаалт* - опровержение). 3. Термины образованные от именных основ: а) именная форма на -ч, -чин (*дамчи* - спекулянт; *гаальч* - таможенник, от гааль - таможня; *мэдээч* - диспетчер, от мэдэ) - весть, известие; *ополч* - теоретик, от опол -теория; *санхууч* - финансист, от санхуу - финансы; *хулгайч* - вор; *хэлмэрч* - переводчик). Суффикс **-ч** при обозначении лиц по профессии и специальности присоединяется к основам и заимствованных слов (*гэрч* -свидетель, *хуульч* - юрист); б) Основа имени + суффикс **-тан** (*албатан* -подвластные, поданные, от алба(н) - дань, подать, повинность; *идэвхтэн* - актив, активист, от идэвх - активность; *албан тушаалтан* - должностное лицо, лица; *эрх мэдэлтэн* - власть имущие, владыки, господа, от эрх - право).

Основная семантическая функция причастия на -х в основе терминологического словосочетания юридической лексики заключается в выражении как признаков предмета, так и процесса действия: *дагалдах зардал* - накладные расходы; *туслах аж ахуй* - подсобное хозяйство; *устгах унэ* - ликвидационная цена.

2.3.2. Способы образования юридических терминов в русском языке. В построении юридических терминов в русском языке наиболее продуктивными оказываются следующие словообразовательные модели: 1.

Основа глагола + суфф. - тель (*вымогатель, грабитель, законодатель*); 2. Основа имени + суфф -ник (*виновник, взяточник, защитник*); 3. Слова с суффиксом-ние (*аннулирование, беззаконие, расследование*); 4. Основа глагола f существительное на -ация, -ость, -ск, -изация, -ство (*апелляция, конфискация, неподсудность, мошенничество*); 5. Термины, образованные при помощи префиксов (*предпринимательство, пересмотр дела, подзаконные акты, сонаследник, соучастник*); 6. Словообразовательные цепи (*преступление - преступный - преступник - преступность; свидетель - свидетельство - свидетельский - свидетельствовать*); 7. Словосочетания существительного с определяющим прилагательным (П + С) (*беспричинное доказательство, внутреннее законодательство, гражданско-правовые отношения, должностное преступление, имущественные отношения, официальное обвинение, патентное право, рецидивное преступление*); 8. Словосочетания с различными конструкциями (*верховенство закона, исполнение обязательства, иск из договора, истребование дела, истец по апелляции, взяточничество судей, вопрос о доверии, заключение в тюрьму, отвод следователя, показание следователя, снятие судимости; владелец на правах аренды, закон об охране труда, заявление о пересмотре дела*).

В целом следует пригнать, что принципы терминообразования в монгольском и русском языках едины, совпадают и основные способы образования. Вне сомнений, исследование языковых процессов, к каковым относится в данном случае терминотворчество, позволяет глубже понять сущность языковых единиц, системные свойства языка. Анализ же аналогичных явлений в разнородных языках выводит исследователя на уровень обобщений, имеющих значение для характеристики функциональных закономерностей языковых единиц, определения тенденций в развитии языковых систем.

Особо следует выделить образование юридических терминов в монгольском языке за счет заимствований. Роль заимствований в юридической терминологии монгольского языка достаточно высока и имеет свою историю. Заимствования в языке закона представлены в трех разновидностях.

Во-первых, необходимо выделить иноязычные слова, восходящие к терминологии римского права, которые использовались в российском законодательстве. Здесь же укажем на термины, заимствование которых было обусловлено международными и европейскими правовыми стандартами, например: «юрисдикция» от лат. *jurisdictio* - судопроизводство (монг. *шуун таслах ажиллагаа*); "вердикт" от английского *verdict*, латинского *veredictum* - верносказанное (монг. *дугнэлт, тангарагтны толоологчдийн шийдвэр*); "референдум" от латинского *referendum* - то, что должно быть сообщено; всенародный опрос, в котором принимают участие все гражда-

не, имеющие избирательные права (монг. *ард тумний стал хураалт*); «дискриминация» - от латинского *discriminatio* - различие, разделение; умаление прав; в международных отношениях - установление для какого-либо государства, его учреждений или граждан меньших прав, чем те, какие предоставлены другим государствам (монг. *гадуурхах, ялгаварлах*), "конвенция" от латинского *conventio* - договор, условие, соглашение (монг. *конвенц*). Подобные заимствования в языке закона неизбежны и в общем доступны для правильного понимания при некоторой осведомленности в правовых вопросах. Во-вторых, следует указать на группу заимствований иноязычных терминов различных областей знания, например: "аффинаж" от французского *очистка* (монг. *цовэрлэгээ*); "бонитировка" от латинского *bonitas* - доброкачественность; качественная оценка степени племенной и хозяйственной пригодности с.-х. животных (монг. *саш чанарний*) и др. При этом необходимо заметить, что в языке закона следует избегать немотивированного употребления подобных заимствований, представляющих по сути своеобразные «словарные ловушки», поскольку их смысл без специального комментария ясен лишь весьма ограниченному кругу лиц

Третья разновидность заимствований в языке закона представлена в монгольском языке терминами практически усвоенными полностью, например такие иностранные слова, как «зона» от греческого *zone* - пояс, область (монг. *бус*), «документ» от латинского *documentum* - поучительный пример, способ доказательства; письменное свидетельство, доказательство; юр. Составленный в порядке, предусмотренном законом, акт, удостоверяющий юридический факт или подтверждающий право (монг. *гзрчигээ*).

Приведенные разновидности заимствований общеизвестны, понятны и почти не осознаются как заимствования, поэтому могут использоваться законодателем без ограничений. Следует указать на повышенную абстрактность заимствованных слов. Облик заимствованного слова существенно затрудняет соотнесенность с реальными предметами.

Малопонятную, слишком отвлеченную лингвистическую форму иностранных слов весьма удобно использовать для маскировки недостаточно ясных, либо сомнительных идей. Разумеется такое употребление заимствований в языке закона недопустимо, беспорядочное внедрение новых иностранных слов в законодательные акты не должно служить прикрытием дефектов правотворчества. Вместе с тем, не следует избегать иностранных слов, если они способствуют точности выражения, освобождают язык закона от ненужных ассоциаций так, например, очевидно, что заимствования "ветеран" и "инвалид" в нормативно-правовых текстах уместнее, чем русские эквиваленты "старик" и "слабосильный".

В каждом конкретном случае выбор того или иного способа конструирования нормативных понятий - словообразование, переосмысление, словосочетание либо заимствования - должен быть продуман с особой тщательностью, поскольку неудачный термин создает искаженное представление о том объекте, который им обозначается. Язык закона - это система, в пределах которой точность выражения достигается в том случае, если с данным термином связано четкое и достаточно исчерпывающее представление о существующем понятии, одинаковое у всех, кто его применяет.

2.4. Особенности использования юридических терминов. В настоящее время при применении и толковании актов действующего законодательства возникает большое количество проблем из-за несоответствия юридической терминологии, применяемой в законодательном акте, требованиям законодательной техники. Из этого следует, что одной из важнейших задач при разработке нормативно-правового акта является соблюдение правильности, последовательности, четкости, единства, простоты и иных требований законодательной техники в использовании юридической терминологии.

2.4.1. Требования к использованию юридической терминологии. При употреблении терминов в текстах нормативно-правовых актов следует руководствоваться определенными требованиями. В диссертационной работе представлен перечень рекомендаций по этому поводу, состоящий из 14 пунктов.

2.4.2. Использование иностранной терминологии в законодательстве Монголии и России. При разработке нормативно-правового документа и подготовке его текста законодателю необходимо помнить, что существует ряд требований к применению иностранной терминологии в законодательном тексте. Суть этих требований изложена в тексте рукописи диссертации.

В заключении подводятся основные итоги развития терминоведения в Монголии и России, определяются дальнейшие исследовательские задачи в области теории и практики терминоведения в юриспруденции. В настоящее время перед каждым терминоведением (монгольским и русским) предстают большие задачи как по усовершенствованию уже созданных терминов, так и по построению новых терминосистем для новых отраслей знания и научных дисциплин, понятийный аппарат которых подвергнут радикальной перестройке в связи с социальными переменами.

Публикации по теме исследования:

1. Энхтувшин Ю. Ошибки, допускаемые студентами-юристами при чтении текстов // Бюллетень научн. конференции преподавателей университета Улаанбаатар, 2000.
2. Энхтувшин Ю. Об учете специальности студентов на занятиях по русскому языку // В сб. научн. статей межвузовской конференции преподавателей. Улаанбаатар, 2001.
3. Энхтувшин Ю. Оюуны емчийн эрхийн нэр томъёоны дагалга // Хууль дээдлэх ес, № 3, Улаанбаатар, 2003.С.105 -108.
4. Энхтувшин Ю. Оюуны омчийн эрхийн нэр томъёоны дагалга // Хууль дээдлэх ес, № 1 (04), Улаанбаатар, 2004. С.96-101.
5. Энхтувшин Ю. Оюуны емчийн эрхийн нэр томъёоны дагалга. // Хууль дээдлэх ес, № 2 (05), Улаанбаатар, 2004.С.93-96.
6. Энхтувшин Ю., Чимэг Д. Учебное пособие по русскому языку для студентов-юристов. Ч. I. Улаанбаатар, 2004.93 с.
7. Энхтувшин Ю., Чимэг Д. Учебное пособие по русскому языку для студентов-юристов. Ч. II. Улаанбаатар, 2004.162 с.
8. Энхтувшин Ю. Оюуны емчийн эрхийн тайлбар толь. Улаанбаатар, 2004. 110 с.

Подписано в печать 17.11.2004 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Объем 1,5 печ. л. Тираж 100. Заказ № 187.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН,
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

#25669